

Н.В. СПОДАРЕЦ

Украина, Одесса, Одесский национальный университет
имени И.И. Мечникова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС ЖАНРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В литературоведении последнего десятилетия очевидна тенденция: жанрология из числа периферийных научных направлений конца XX века все активнее переходит в ряд актуальных и приоритетных исследований. Интерес к исследовательским практикам такого ряда обусловлен расширением горизонтов обоснований самого концепта «жанр».

Данная статья направлена на поиск ответа: на какую методологию ориентироваться, устанавливая жанровую идентичность поэтических текстов Серебряного века, является ли сама процедура жанровой идентификации текстов этой эпохи научно корректной в современном литературоведении? Ведь вспомним, что еще в начале XX века Бенедетто Кроче представил свою мотивацию исчезновения литературных жанров [8], а в середине этого же века одну из версий академической науки в трактовке данной проблемы сформулировал В.Д. Сквозников, подчеркивая «очевидность» «атрофии жанра в лирике» [11, с. 43].

В этой связи авторы фундаментальной коллективной работы по вопросам жанрологии конца XIX – начала XX века отметили: «если считать жанровые каноны, сложившиеся в эпоху риторики, («рефлексивного традиционализма» или «эйдетической поэтики»), единственной формой, обеспечивающей сохранение идентичности жанра, то после реформ, произведенных романтической теорией и практикой, жанры как таковые, – за исключением тех или иных рудиментов прежних литературных систем – перестают существовать» [3, с. 8]. Значимым представляется и заключение О.В. Зырянова: «...жанр не следует понимать как исполнение теоретического априори некоей предсказанной абстрактной сущности, жанр прежде всего производное конкретно-исторических сдвигов художественного сознания, продукт литературной эволюции, что неизбежно требует от исследователя (будь то историк или теоретик литературы) настоящего выхода в сферу исторической поэтики... жанр существует и проявляется не в отвлеченной жанровой модели (некоем абстрактном инварианте), а в “существенной жизни произведения” (термин-метафора М.М. Бахтина), иначе – в многообразии индивидуальных жанровых форм» [5, с. 12].

В начале XXI века, опираясь на «онтологическое измерение жанра», теоретики литературы констатируют: «Жанровое мышление не исчезает и

вряд ли когда-нибудь исчезнет, как не может исчезнуть традиция, как бы к ней ни относились. Но в XIX–XX веках изменяется характер жанрового мышления, оно становится более свободным и креативным» [7, с. 20]. Если же в «структуре изучаемого произведения собственно жанра нет, т.е. “тень”, которую этот жанр отбрасывает» [4, с. 12].

Действительно, отправной точкой здесь стал конец XVIII века, когда в литературном сознании начали доминировать интенции «эстетического креативизма» (В. Тюпа) и жанрообразовательный процесс разворачивался уже в новом режиме отношений с жанровым канонем. Многие литературоведы эти явления связывают с повышением *роли авторства* в творческом процессе и переориентацией художественного сознания *с нормативной поэтики на эстетику художественного творчества*. С.С. Аверинцев писал об «эмансипации принципа субъективности», с чем связывал и трансформации жанровой матрицы, изменения в структуре отдельных жанров и в жанровой системе в целом. Е.М. Черноиваненко обратил внимание на то, что «литература в этот период переходит из состояния риторичности в состояние художественности» [14, с. 32–41].

В современной постструктуралистской научной ситуации в теоретико-методологическом и литературоведческом дискурсе наметились новые ракурсы и решения жанрологической проблематики. Обратим внимание на феноменологический подход к искусству и соответственно феноменологическое рассмотрение жанра произведения, когда значимым фактором его художественной реализации признается тип художественного сознания творческого субъекта [6], а фактором литературоведческой идентификации жанра произведения – горизонт филологической культуры читателя-реципиента [12].

С феноменологической точки зрения «жанр – категория феноменологического опыта», закрепляющая в творческом процессе связь художника с культурно-исторической «памятью жанра» (жанровой традицией)) [5, с. 13]. В контексте феноменологического подхода «“жизнь жанра” обусловлена горизонтом творческого сознания поэта, что мотивирует возможность “смещений” жанра в процессе его бытования, т.е. “обратимостью” как способностью превращаться в другие жанры, способностью рождаться, крепнуть, утверждаться, а затем умирать, мешая жить другим» [13, с. 204].

В эпоху эстетического креативизма (или художественной модальности) жанровый модус творческого сознания регулируется горизонтом художественно-эстетического опыта автора, его субъективной интенцией к порождению модели инновационной конструктивной формы (включая и авторские жанровые формы произведения), воплощающей характерную эстетическую концепцию мира как «художественный образ мира» [9]. Выбор автором того или иного предмета рефлексии, выраженного в жанровой

форме, не случаен: он обусловлен авторским мирообразом и мировидением. Жанровая форма произведения во многом мотивирована всем художественно-эстетическим опытом автора как человека частного и культурно адаптированного. Здесь согласимся с О.В. Зыряновым: «Именно феноменологическая концепция жанровой эволюции, базирующаяся на идее творческого диалога художника с миром культуры, позволяет объяснить сам механизм исторической изменчивости жанра в индивидуальной практике поэтов нового времени» [5, с. 16]. Ведь сознание писателя способно оживить «память жанра», т.е. актуализировать ту или иную жанровую традицию. В категориях поэтики это значит актуализировать жанровый код, который в режиме диалогических отношений с предшествующей традицией творчески реконструируется в тексте произведения, запуская механизм трансформации канонической жанровой модели в индивидуально-авторскую. М. Бахтин писал: «Литературный жанр по самой своей природе отражает наиболее устойчивые, «вековечные» тенденции развития литературы. В жанре всегда сохраняются неумирающие элементы архаики... архаика, сохраняющаяся в жанре, не мёртвая, а вечно живая, т.е. способная обновляться архаика. Жанр живёт настоящим, но всегда помнит своё прошлое, своё начало. Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития» [2, с. 142].

Феноменологический подход к жанру произведения не ограничивается уровнем отношений – авторское сознание и текст произведения, а учитывает и текстообразовательный потенциал сознания реципиента. Еще М. Бахтин к жанрообразующим факторам относил и читательское восприятие. Эту мысль развивает и Д. Соболев, разрабатывая концепцию семиотической феноменологии произведения, констатирует «феноменологическое стремление к пониманию литературного опыта, возникающего между читателем и литературным произведением» как «опыта, воспринятого во всей его полноте и сложности» [12].

Феноменологическая аналитика не допускает со стороны читателя навязывание художественному миру произведения личных норм и оценок исследователя. «Семиотическая феноменология ставит своей целью анализ конкретной природы, взаимосвязей и конфигураций смыслов в текстах или текстуальных корпусах в их личной, экзистенциальной и исторической конкретности, а также анализ тех модальностей и установок, которые эти смыслы конституируют» [12].

В контексте такого подхода жанровая идентификация поэтических произведений Серебряного века как акт текстопорождения направлена и на системное выявление жанровых кодов предшествующих эпох, которые получают новую функциональную нагрузку в организации художественной целостности произведения, его интертекста и его художественного мира.

Именно художественно-эстетическое бытие этого мира как функциональной и феноменальной характеристики, порожденной художественной целостностью произведения, позволяет увидеть в нем не только явление индивидуальной и неповторимой авторской художественной системы, а сквозь призму его морфологии констатировать творческий диалог с жанровыми рядами предшествующих типов литературы или современной, следовательно, за единичным и неповторимым усмотреть жанровые и родовые ряды как типологические феномены литературного процесса. В системе феноменологической риторики и поэтики диалогизм как онтологическое свойство литературного мышления, о котором писал М. Бахтин, может быть конкретизирован показателями жанрового модуса литературного сознания определенного индивида или литературного направления в целом.

Жанрово-родовая идентификация – это процедура интерпретационная, связанная с установлением принципов отношений мира произведения с известными (часто прецедентными в культуре) жанровыми рядами как прототекстами, количественные, концептуально-функциональные и структурные характеристики которых уже в рамках мира произведения фиксирует (тем самым, актуализирует) читатель-интерпретатор. Ведь в структуре произведения на уровне «носителей жанров» маркируются признаки, позволяющие в процессе жанровой идентификации констатировать авторский диалог с классическими жанровыми моделями или уже получившими творческое переосмысление в писательской практике предшественников и современников, отдельными жанровыми кодами. Произведение при таком подходе выступает индивидуальной жанровой формой, а в рамках художественной системы писателя – инвариантом авторской жанровой модели, коды которой прочитываются на уровне «носителей жанра» (по Н.Л. Лейдерману), а именно: субъектной организации художественного мира, пространственно-временной организации, пневмосфера (понятие, предложенное П. Флоренским и вполне соотносимое с понятием ноосфера в трактовке В. Вернадского), ассоциативного фона и интонационно-речевой организации [9]. При жанровой идентификации произведение рассматривается и как текстотип, проявленный на уровне его миромоделирующих и поэтикальных характеристик, актуализированных в процедуре текстообразования. Его структуры обусловлены как интенциональным, так и культурным фактором, что предполагает их анализ с учетом исторической и культурной конкретности. Такой подход позволяет констатировать, что произведение в контексте жанровых типологических показателей и связей всегда определенным образом укоренено в жанрово-родовую традицию. В текстообразовательном процессе это проявляется через приемы интертекстуальности. Но в отличие от структуралистского подхода к литературному тексту, в данном случае он не оказывается только объектом аналитического

расчленения, целью которого является изоляция основных элементов содержания и выразительных средств, анализ их конфигураций [1], а направлен на выявление «текстовых коррелятов смыслового и жизненного мира человека, содержащихся в той или иной книге или том или ином авторском корпусе – например, корпусе литературных произведений» [12].

Возвращаясь к феноменологии жанрового процесса конца XIX – начала XX века, подчеркнем: современная научная мысль констатирует в нем «полемический диалог с традиционными жанрами, подвергаемыми деканонизации» [3]. В литературе Серебряного века наиболее рельефно он проявился при обращении поэтического сознания к жанровому коду элегии и послания. В контексте изложенных выше положений очевидно, что независимо от того, маркирована ли писателем в названии жанровая номинация произведения, аналитика его жанрового профиля да и всей жанровой системы литературного процесса конца XIX – начала XX века определяется готовностью исследователя-интерпретатора к установлению жанровой идентичности произведения в его единичной характерности и типологической отнесенности.

Список использованной литературы

1. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов [Электронный ресурс] / Ролан Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX веков : трактаты, статьи, эссе. – М. : МГУ, 1987. – С. 387–422. – Режим доступа: http://www.aelib.org.ua/texts/barthes__intro_a_lanalyse_structurale_des_recits__ru.htm. – Дата доступа: 10. 02. 2016.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
3. Жанр и жанровая система в русской литературе к. XIX – нач. XX века / С. Н. Бройтман [и др.] / Поэтика русской литературы к. XIX – нач. XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – С. 5–76.
4. Зырянов, О. В. Пушкинская феноменология элегического жанра / О. В. Зырянов // Изв. Урал. гос. ун-та. – 1999. – № 11. – С. 5–12.
5. Зырянов, О. В. Прологомены в феноменологическую теорию жанра [Электронный ресурс] / О. В. Зырянов // Жанрологический сборник. – Елец : ЕГУ имени И. А. Бунина, 2004. – Вып. 1. – С. 12–16. – Режим доступа: <http://www.hqlib.ru/st.php?n=19>. – Дата доступа: 10.02.2016.
6. Зырянов, О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / О. В. Зырянов ; Урал. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 42 с.
7. Кораблев, А. А. Теоретические вопросы жанрологии / А. А. Кораблев // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов / О. В. Зырянов [и др.]. – Екатеринбург : УрОРАН, 2010. – С. 13–29.
8. Кроче, Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Ч. I. Теория / Б. Кроче ; пер. с ит. В. Яковенко. – М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1920. – 172 с.
9. Лейдерман, Н. Л. Теория жанра / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : УГПУ, 2010. – 904 с.

10. Поспелов, Г. Н. Проблемы исторического развития литературы / Г. Н. Поспелов. – М. : Просвещение, 1972. – 272 с.

11. Сквозников, В. Д. Лирика / В. Д. Сквозников // Теория литературы : Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. – М. : Наука, 1964. – С. 173–237.

12. Соболев, Д. Проблема феноменологии произведения [Электронный ресурс] / Д. Соболев // Вопр. лит. – 2012. – № 1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/1/so11.html>. – Дата доступа: 10.02.2016.

13. Турбин, В. Н. К феноменологии литературных и риторических жанров в творчестве А. П. Чехова / В. Н. Турбин // Проблемы поэтики и истории литературы. – Саранск : Мордовский гос. ун-т, 1973. – С. 204–216.

14. Черноиваненко, Е. М. Парадоксы природы жанра, или В чем же ошибался Бенедетто Кроче? / Е. М. Черноиваненко // Проблеми сучасного літературознавства : зб. наук. пр. – Одеса : Маяк, 2008. – Вип. 8. – С. 32–41.